

ЛЯШЕНКО М. М. — в НКВД

ЛЯШЕНКО Мария Михайловна, родилась в 1870. Получила среднее образование, давала частные уроки, работала в детских приютах, с 1893 — медсестрой в больницах Ленинграда, с 1919 — медсестрой в Институте глухонемых. В марте 1935 — выслана в Челкар Актюбинской области на 5 лет¹. В феврале 1936 — обратилась с заявлением в НКВД.

<4 февраля 1936>

«В НКВД

Медсестры Ляшенко
Марии Михайловны

Заявление

22 марта 1935 г<ода> я по распоряжению НКВД выслана в Челкар Актюбинской Области сроком на 5 лет. Вина моя, за которую я несу такую тяжелую кару, мое происхождение — дочь генерала русской службы, когда-то честно служившего своей Родине, умершего 63 года назад, когда мне было 2 года, конечно, я его не помню. После его смерти осталось 7 человек детей, средств не было, ни капитала, ни дома, ни имений, а потому я рано начала трудовую жизнь, вначале давая частные уроки, работая в детских приютах. А в 23 года без перерыва работала медсестрой, была всегда на высоте, любя безгранично свое дело. Осталась в Ленинграде, как тяжело больная, старая, 72 лет, беспомощная сестра, работавшая 18 лет медсестрой, и теперь на пенсии 40 руб<лей> в месяц, 3 года страдающая суставным ревматизмом, не выходит из комнаты, двигаясь на костылях с трудом, с которой я жила неразлучно всю жизнь. И вот на краю могилы, мне 65 лет, мы разлучены жестоким приговором. Теперь, когда обнародованы слова тов<арища> Сталина о безответственности детей за своих родителей, беру на себя смелость о возможном возвращении меня в Ленинград, где я бы могла поступить на работу, а то с марта месяца я живу исключительно на поддержке своей сестры, продающей последние вещи, что, конечно, заставляет меня очень страдать, т<ак> к<ак> все время живя с ней, главным образом зарабатывала я, часто работая по совместительству. Обе мы старухи и обе больные: у меня туберкулез позвоночника, жить осталось мало, и умоляем дать нам возможность умереть друг около друга. Тем более, что вины за собой не чувствую, да и никакого обвинения мне не было предъявлено. Связи с границей нет, и никогда сами там не были.

М. Ляшенко.

Челкар Актюб<инской>, ул<ица> Первомайская, 38.
4/II 36 г<ода>.

Прилагаю: трудовой список (копия), 2 характеристики врачей и справка о здоровье»².

В марте 1936 — Мария Михайловна Ляшенко обратилась за помощью к Е. П. Пешиковой.

<29 марта 1936>

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 1323. С. 223; Д. 1447. С. 176.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1492. С. 57-58. Автограф.

«Простите Екатерина Павловна, что, может, я Вам надоедаю своими письмами. На днях получила открытку, извещающую меня, что мое дело будет пересмотрено, и ответ могу ждать через два месяца. Если б Вы только знали, каким чувством бесконечной благодарности переполнилось мое сердце Вам. Ведь только Вам я этим обязана. Все же блеснул луч надежды, что увижу свою дорогую старушку-сестру, которой 72 года. Обе мы не замужем и прожили всю свою жизнь вместе, она мне заменила и мать, которой я лишилась рано, отец умер, когда мне было 2 года, была мне другом и редко заботливой сестрой, конечно, люблю ее бесконечно. Если б Вы только знали, как тяжело мне было последнее время, многие из наших челкарцев получили перевод в большие города, где смогут работать и жить, счастливы, которые возвращаются в Ленинград. А вдруг и я получаю, благодаря Вам, эту открытку, конечно, это далеко не есть возвращение, но я, как писала, не чувствую за собой вины, никакого обвинения мне предъявлено не было, я не скрывалась, 36 лет жила в одном доме и еще среди жильцов нашего дома такие, которые знают, что я всю жизнь работала, а последние 23 года была медсестрой. Верьте, я бы не просила о возвращении, если бы была возможность перевести мою дорогую старушку, но вследствие суставного ревматизма она с трудом на костылях двигается по комнате, а сейчас мне пишут, от горя у нее стала трястись голова, в таком состоянии переезд почти невозможен, а о Челкаре и говорить не приходится, дальность расстояния и условия жизни невыносимы для такой тяжело больной, да и материально это недоступно ведь год как я без работы, а вещи, на которые мы обе существуем, приходят к концу, а потому положение крайне тяжелое и грустное. Вследствие этого Вы сами понимаете, как обрадовала меня эта открытка, и как я Вам за нее благодарна. Конечно, я не знаю, могли на меня и наплести чего-нибудь, но представьте себе не могу, даже придумать что? Честно работала, любила свое дело и вполне лояльно относилась к власти, давшей мне так много и которую сейчас прошу, дать мне возможность умереть около любимой сестры, на днях мне исполнилось 66 лет, в такие годы о жизни говорить не приходится, еще с туберкулезом позвоночника. Еще раз большое спасибо!

М. Ляшенко.

P. S. В открытке, что я получила, написано, что надо прилагать марки на ответ, присылаю их.

29/III 35 г<ода>.

Челкар Актюб<инской>,
ул<ица> Перовской, 38»³.

В ноябре 1936 — Мария Михайловна Ляшенко вновь обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<24 ноября 1936>

«Простите, Екатерина Павловна, что снова беспокою Вас, но по полученной от Вас открытки мне было обещано, что мое дело будет пересмотрено, и через два месяца получу ответ. Прошло девять месяцев, обещанного ответа нет. Поймите и простите мое нетерпение, ведь мне 65 лет и моей сестре, живущей в Ленинграде, 72 года, исстрадались в разлуке и за что?

Дочь генерала, умершего 63 года назад, а за спиной длинная трудовая жизнь, сперва учитель лицея, а <с> 23 года медсестрой. Право,

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1492. С. 60-61. Автограф.

за свой, скажу, честный труд, думаю, имею право просить вернуться к больной сестре, тоже честно проработавшей всю жизнь, в свой хоть и разоренный угол, т^{ак} к^{ак} остались жалкие остатки барахла, на которые сестре трудно жить, а я не только не могу ей помогать, но сама нуждаюсь в ее поддержке. Вернувшись, я могла б еще работать, и хоть скромно могли существовать, а сейчас, верьте, грозит нам нищета, а потому поймите мое горе и простите, что напоминаю о себе. Насколько помню, характеристику сестры не присылали, на всякий случай ее прилагаю.

Ляшенко Мария Михайловна.

Челкар Актюб^{инской},
ул^{ица} Перовской, 40.

24/XI - 36 г^{ода}»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1492. С. 64. Автограф.